

Ефим Зозуля

САТИРИКОНЦЫ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
3-78

Зозуля Е.

3-78 Сатириконцы / Е. Зозуля. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 194 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72644-3

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Ефима Зозули «Сатириконцы».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72644-3

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Тверская улица глазами одного человека.....	5
Немой роман.....	18
Парикмахерша	24
Петров.....	26
Подвиг гражданина Колсуцкого	28
Последний герой романа. Глава XXIV	50
Случай по службе	59
Студия Любви к Человеку.....	61
Уголек.....	74
Фоторепортер.....	76
Хлеб	78
Гибель главного города.....	81
Письмо Мутреле. Глава из сатирического романа «Мастерская Человеков»	102
Рассказ об Аке и человечестве.....	115
Сатириконцы. Воспоминания	130

ТВЕРСКАЯ УЛИЦА ГЛАЗАМИ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Очень хочется записать все, что происходило, что я лично видел, чувствовал, переживал и что запомнилось мною на улицах Москвы за ряд лет.

Именно: на улицах, на площадях, в скверах, в парках, переулках, домах.

Интересно: что получится, если собрать какую-то горсть фактов, явлений, впечатлений, прошедших через сознание одного человека?

Конечно, тут значительное густо перемежается с мелким и случайным, характерное для Москвы с характерным вообще для человеческой жизни.

Но так или иначе, пусть среди обильных и прекрасных литературных материалов о мировой столице революции, о центре новой эпохи, которая растет с каждым днем, будет и такая скромная книга.

Начну с Тверской улицы, которая теперь называется: улица М. Горького.

Осенним вечером в шестнадцатом году около Страстной площади (теперь Пушкинская) поскользнулась на влажном асфальте и упала лошадь. (Этот участок Тверской, очень незначительный, был асфальтирован давно.) Лошадь упала на бок, сразу, поскользнувшись передними и задними ногами. Было около одиннадцати часов вечера — самый разгар проституционной биржи. С тротуара раздались свист, хохот, улюлюканье. На улице было полутемно. Запахло чем-то жутким, погромным. Со всех сторон неслась матерная брань. Лошадь поднимали. На тротуаре продолжались выкрики, смех, свист.

Это было безмерно отвратительно. Это кричала, свистела и улюлюкала старая Москва.

В доме № 38 была «Центропечать». Работало много народу. Была девушка — веселая, жизнерадостная. Бешено неслась по лестницам со второго этажа на третий. Тоненькая. Голубые глаза. В двадцать третьем году на глазах у всех резко и прямо забрал ее угрюмый какой-то человек. Именно забрал. Когда он приходил, она немела. Увез. О ней долго помнили.

Она иногда навещалась. Рожала каждый год по ребенку. Семь человек детей. Не много ли? Пыталась «оправдываться». Широкое зеленое провинциальное пальто.

В тридцать пятом году встретил ее на вокзале: толстая, цветущая, уверенная. Теперь хвастает количеством детей. Весело смеется — уверенная баба.

Около стояли двое ребят — голубоглазые, чудесные, как она в молодости.

В той же «Центропечати» работал Иван Терентьевич, который всегда начинал разговор с середины. Какие-то кусочки стен около Козицкого переулка, где он меня останавливал, до сих пор напоминают его:

— Они говорят, что футуризм исчезнет... Ну конечно, исчезнет... Ну что собою представляют эти треугольники из кумача, которыми они украшают площади? Конечно, это чепуха. Не в этом дело...

Или:

— Выдавать деньги... Ну ясно, что здесь нужны две подписи... С одной подписью неудобно. А он говорит, что необходимо еще иметь какую-то визу... Какую еще визу?

Такого человека, который всегда начинает разговор с середины, можно вставить в комедию, в драму — это может быть смешно. Но Иван Терентьевич никогда не был смешон. Он не был ничем замечателен, а чем-то запомнился. Где он сейчас — неизвестно, но лик его живет около стен Козицкого переулка.

На углу Чернышевского — магазин «Гастроном». В девятнадцатом-двадцатом годах в нем было отделение Роста. В окнах были

карикатуры, телеграммы, написанные на больших листах бумаги. Перед окнами стояли люди — в валенках, в сапогах, в шинелях, в пальто. Мерзли, читали.

Одно время была телеграмма «Деникин под Орлом».

Читали молча. Расходились. Но к окну подходили другие.

Однажды один с большим мешком на плече (в мешке была мука) стоял и долго читал. Серьезно читал, забыв о тяжести на плече. Потом медленно ушел.

Вдоль тротуаров зимою снег лежал кучами. В доме № 19 было какое-то общежитие. В нем жил знакомый. С семьей. Жгли ящики из комодов. Есть почти нечего было. Приятель заходил напротив, в кафе поэтов, и смачно ел картофельные пирожные.

Я его смутил однажды. Нечаянно спросил, почему он не отнесет пирожное домой, жене, детям. Покраснел. На губах жалко выглядели крошки. Но облизнулся и продолжал есть. «Свинство», — сказал я — не для того, чтобы еще более смутить его, а наоборот, чтобы резкой, чересчур преувеличенной оценкой факта мелкого эгоизма смягчить упрек, нивелировать его.

Вход в бывшее кафе Филиппова теперь с Глинищевского переулка. А был — с Тверской. Со времени нэпа, когда это кафе открылось, с этого входа классически выталкивали пьяниц и буянов. Много было драк. Запомнился высокий, с белокурой наивной хулиганской физиономией. Его вытолкнули, и он бил нещадно двух швейцаров, милиционера, извозчика, еще кого-то в зеленой шляпе. Исполинская сила. Что он вымещал с такой яростью? Ему, по-видимому, пришлось «большой ответ держать» за столь большую «прелесть бешенства», как говорил Лев Толстой. Из этих дверей часто выкидывали. Пьяницы традиционно упирались — ногой в косяк. Еще запомнился один. Еле держась на ногах, деликатно грозился пальцем. Теперь мрачную дверь сняли. Вход с переулка.

На Большой Дмитровке, где теперь театр Станиславского, была при нэпе оперетта. Как-то там нанимали и сортировали статистов и статисток. Почему-то я был там и познакомился с одной из статисток — молодой девушкой. Никогда не забыть одухотворенного ее

лица, тонких черт, легких движений. «Я очень пить хочу», — сказала она. В театре был ремонт, хаос, нельзя было найти воды.

Я предложил ей выйти на улицу. Мы завернули в Глинищевский переулок и вышли на Тверскую. «Где же вам напиться?» Я усиленно, но напрасно озирался — ни кафе, ни киосков не было. На углу продавали фрукты. «Я напьюсь соком», — сказала она. — Мне хватит яблока или груши».

И она утолила жажду грушей, так жадно и в то же время красиво прижимая губы к плоду. Затем улыбнулась... Где она сейчас? Так ли еще улыбается? Она торопилась. Она не принадлежала себе. Она была так озабочена. Попрощалась. Ушла. Оглянулась, и я помахал ей рукой.

Больше ее не видел. Иногда сейчас, на углу Глинищевского и Тверской в воздухе отпечатывается и нежным видением проходит ее образ — среди автобусов и такси.

Немного дальше, около аптеки (когда однажды сняли вывеску аптеки, то оказалось, что здесь жил портной), гордо подняв голову и медленно вынося вперед самодовольные, упрямые ноги, прошел мой враг... «Непримиримый» враг.

Я наблюдал его со стороны Моссовета. Он ненавидел меня. Мои рассказы, мои слова, мой голос... Я наблюдал его со стороны. Голова его была гордо и самодовольно откинута назад. Шляпа сидела на темени. Он мешал моей литературной работе... Ругал меня. При упоминании моего имени делал брезгливую гримасу. Чаще молчал — подчеркнуто молчал. Как-то он объяснил мне, что если при упоминании о ком-либо упорно молчать, то это вреднее и обиднее, чем ругать его. И этот метод он применял ко мне.

В тридцатом году вдруг заболел и умер. Когда я не очень спешу по Тверской и прохожу под часами Моссовета, то вижу его иногда около аптеки. Я не рад, что он умер. Личные враги очень серьезно не могут мешать в советской стране. Пусть бы жил, гулял со своей шляпочкой и важно выставлял бы свои самодовольные, неубедительные ноги...

Советскую площадь асфальтировали, кажется, в 1932 году. В полтора или два дня. По новому способу: клали асфальт прямо на булыжники. Площадь была прекрасна во время работ, особенно ночью (работали без перерыва): много людей, факелы, синий дым, машины.

Один из рабочих, пожилой, с седенькой щеголеватой бородкой, работая, явно рисовался перед любопытными, стоявшими у аптеки. Он работал упоенно, точно играл на сцене: щеголевато ворочал лопатой, ухарски закуривал.

Такой самый, точно так же, рисовался перед прохожими и артистически работал в Кутаисе, тоже с лопатой, когда асфальтировал там в тридцать третьем году улочку недалеко от вуза. Может быть, это был именно он?

Дальше. Страстная площадь. По каким только направлениям она ни исхожена! Сколько событий — крупных и мелких! Сколько раз еще придется возвращаться сюда!

Иногда в витринах магазинов — здесь, недалеко от Страстной, — бывают чудесные отражения улицы, фасадов противоположных домов. Тверская узка — поэтому отражение близко и отчетливо, особенно, если в витринах темные сукна. Я люблю останавливаться около магазина Мосторга № 67. Какая живопись! Бутылочный тон стекла объединяет краски и естественно делает то, что под силу крупнейшему художнику. Иногда я подолгу любуюсь роскошным зрелищем. Около меня останавливаются прохожие и с любопытством смотрят на витрину. Что там? Ничего, граждане. Здесь бесплотная прелесть живописи. Если нравится — любуйтесь.

Сейчас на Тверской стало немного темнее. Поднялся ряд домов. Поднялся, принарядился и смотрит на стоящих против: ну, друзья, когда же и вы подниметесь с колен, выпрямитесь и отодвинетесь — надо же расширить улицы, мы же должны стать наконец приличной улицей!

Против витрины, где цветут изумительные живописные фантазии, — редакция журнала «Наука и техника». Когда-то здесь было кафе «Бом», потом есенинское «Стоило Пегаса». Здесь часто сжи-

вал Есенин, склонив на мраморный столик «головы своей желтый лист».

1 мая 1935 года здесь же, неподалеку, на углу Б. Гнезниковского, среди демонстрантов обращал на себя внимание парень, несший на высоком шесте надпись на квадратном куске фанеры:

«Я учусь в марксистко-ленинском кружке».

Понимал ли он простоту и величие этого извещения, поднятого на высоком шесте?

Колонны долго стояли, и тут же, как и во многих других местах, танцевали девушки и парни. Одну хотелось бы показать в замедленном движении — как в кино. Много неповторимой прелести было в ней! Она так притаптывала старательно и так сочно смеялась!

Если бы воздух улиц мог отпечатывать все, что в нем происходило — какая была бы лента изумительных, непревзойденных по интересу картин и фактов! Но были бы факты и не изумительные.

Несколько дальше, около столба, несколько лет тому назад отчаянно сопротивлялся беспризорный, которого подобрали на улице. Он невероятно кричал, отбивался и цепко обхватывал основание столба. На столбе сейчас висит надпись: «Остановка автобусов». Беспризорный вряд ли помнит этот столб, который стал пограничным столбом между его беспризорностью и новой жизнью. Вряд ли помнит, как он хватался пальцами за его железное основание. А впрочем, может быть, он, проходя здесь, вспоминает свое неразумное сопротивление.

1 мая 1935 года я пролетал на самолете-гиганте «Максим Горький» очень низко над Тверской. Она была залита людьми, знаменами, цветами. Казалось, люди были неподвижны. Сплошной поток как бы застыл на месте. И в прилегающих переулках застыли черные фигурки людей. Так часто кажется с самолета.

В двенадцать часов, после полета, я приехал с аэродрома на Пушкинскую площадь. Дальше нельзя было ехать. Сошел с машины и влился в густую двигающуюся, поющую, играющую, танцующую массу.